

Михаил Першин

В.Ж.О.П.

(виртуальная жизнь
офисного планктона)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рассказы

Михаил Леонардович Першин В. Ж. О. П. (виртуальная жизнь офисного планктона)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50802699

SelfPub; 2020

Аннотация

Эту книгу можно определить двумя словами: "Это смешно". Смешно даже не в смысле остроумия, в большей или меньшей степени проявленного автором, а потому что сами мы (а книга, в сущности, обо всех нас) смешны в своем существовании на грани реальности и тех фантомов, которыми одарил нас хайтек. Не стал ли современный человек и сам отчасти фантомом? Об этом – четыре рассказа, составившие книгу. О том, какая путаница царит порой в наших головах, как жизнь возвращает нас на бренную землю, и как это может быть забавно, если касается не тебя лично, а служит всего только литературным сюжетом. Рассказы были опубликованы в журнале "Нева" в 2018 году. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Небожитель	4
Уж полночь близилась	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Небожитель

Перед выходом из дому Дмитрий Михайлович Торошин сказал своей жене Анне Романовне:

– Если Леночку оставят, сразу мне звони.

– Почему *если*? Маревич сказала: «Во вторник приходи окончательно».

– Ага, а в четверг было не *окончательно*?

Леночкой звали дочь Дмитрия Михайловича и Анны Романовны, а Маревич была врачом-акушером-гинекологом из славного Московского института, соответственно, акушерства и гинекологии.

Торошины считали, что им чрезвычайно повезло, что именно к Людмиле Викторовне Маревич удалось попасть Леночке, чей срок беременности походил к концу. Впрочем, удачей, сиречь случайным совпадением положительных факторов, это можно было назвать с некоторой натяжкой или, по крайней мере – оговорив, что она была результатом определенных усилий: сперва выяснить, кто считается лучшим врачом, а потом попасть к ней на прием и обаять настолько, чтобы она согласилась принять Леночку под свое крыло. Всё это блестяще удалось Анне Романовне. Дмитрий же Михайлович в *обаивании* непосредственного участия не принимал: пока Леночка с мамой были в кабинете врача, он сидел в коридоре и трепеливо ждал результата. (Что это?

Опечатка: *трепеливо* вместо *терпеливо*! Ну что ж, не претендуя на авторство неологизма, будем скромно считать ее опечаткой по Фрейду. Как говорили в те поры молодые и молодящиеся, Зигмунд жжот.)

Вот уже месяца полтора Леночка – то с мужем Вадиком, то с матерью, то, когда у Дмитрия Михайловича выдавался так называемый библиотечный день, с обоими родителями – посещала Людмилу Викторовну со всё сокращающимися разрывами между визитами: сперва – раз в две недели, потом еженедельно, а в последнее время – и еще чаще: как можно понять из приведенного выше диалога, последняя «увольнительная» (как называл эти перерывы будущий дед) длилась с четверга до вторника.

Уже две недели Леночка являлась со всем необходимым в роддоме имуществом: халатиком, зубной щеткой и далее по списку, который понятен даже мужчине, потому что так собираются в любую больницу. Ну плюс еще прокладки какие-то, чулки специальные... В общем, всё, что было перечислено на сайте Института. И каждый раз после осмотра Маревич отпускала ее со словами: «Поголяй еще до...». В четверг уже точно ждали, что оставят, так нет – до вторника отложила.

Сегодня Леночку предстояло сопровождать Вадику. Это служило молчаливым и всеобщим признанием: уж теперь-то – решительно и окончательно.

И все же в голове Дмитрия Михайловича как-то не укладывалось, что вот оно, на самом деле. То есть месяц назад он как раз был уверен в этом. А потом постепенно привык, что всё откладывается, и, хотя, с одной стороны, начал даже немного волноваться, как бы не *переходить*, с другой – ему казалось, что да, всё непременно свершится, но вот только не сегодня. Тем не менее, вслух он произнес:

– Не знаю, как ты, а я уверен, что сегодня все будет.

– Да должно бы. Куда уж дольше?

– Нет, не *должно бы*, а я *уверен*.

Ему хотелось, чтобы его предчувствие было весомей женщиной умозрительной логичности. Она это поняла и вместо того, чтобы продолжать разговор, тем более, что смысла в этом не было, сказала:

– Ну ладно, иди. Я позвоню, если что.

И он отправился на трудовые подвиги.

Дмитрий Михайлович работал в издательстве, где редактировал детские журналы для мальчиков. Ну еще книжки комиксов, в общем, всякую такую *литературу*. Основным его детищем были «Пионеры-бумси».

Те, у кого есть дети, хорошо знают серию игрушек, вокруг которой создан целый мир Бумсиландии: мультсериал, книжки с текстом и книжки-раскраски и несметное число самых разных товаров: от ластиков и обложек для тетрадей до детской мебели и самокатов. Немаловажное место среди

этой продукции занимает журнал. Но даже самые заядлые фанаты Пионеров-бумси и внимательнейшие читатели журнала вряд ли обращают внимание на имена, указанные в его выходных данных. Те же немногие, кому довелось заглянуть в этот малоинтересный раздел, найдут там строку:

Главный редактор – Дмитрий Торошин

(у них по-западному даже генеральный директор издательства заявляется без отчества).

Чтобы быть совсем точным, надо сказать, что Дмитрий Михайлович редактировал русскую версию журнала, выходившего в 23 странах на 16 языках. О чем мы и сообщаем тем, кто уже знаком с миром Пионеров-бумси. А те, кто в силу различных жизненных обстоятельств далек от круга детских интересов, очевидно, нуждаются в более подробных объяснениях.

Бумсиландия – космическая страна, населенными пунктами которой являются близлежащие планеты. Нет, к планете слово *лежать* не очень подходит. Ну пусть будет *близлежащие*. Впрочем, если сами авторы этой эпопеи не слишком-то задумывались об астрономической достоверности, то что уж нам-то проявлять излишний педантизм?

Надо сказать, что заселена весьма небольшая часть Бумсиландии. Как раз *освоением* необжитых планет и заняты Пионеры-бумси. И всё было бы хорошо, если бы параллельно с ними *захватить* (чувствуете разницу?) эти космические объекты не пытались Пираты-керуки, злобные, беспринцип-

ные и... В общем, пираты – что с них взять? Как Бумси, так и Керуки (без дополнений «Пионеры-» и «Пираты-» их следовало писать с заглавных букв) обладают широким спектром совершенно сказочных свойств и орудий. Впрочем, сказочность эта закамouflирована под научно-фантастичность. Например, то, что в сказке было бы живой водой или молодильными яблоками, здесь оказывается, соответственно, эликсиром профессора Бауэра и плодами, полученными в результате селекции в Парафрут-лаб. Все попытки Дмитрия Михайловича перевести «Парафрут-лаб» как «Лаборатория фруктологии» или хотя бы «Лаборатория парафруктов» разбились о твердое желание партнеров сохранить в неприкосновенности оригинальные названия, как разбиваются волны Атлантики о рифы Карибского моря.

Нетрудно догадаться, что этот парафраз истории освоения Американского континента, развернутый на миллиарды парсек, и придумали на том самом континенте правнуки пионеров прерий и остепенившиеся потомки карибских корсаров.

Кстати, насчет «пионеров». С ними тоже произошло *некоторое бодание*. Сразу после того, как издательство, в котором трудился Дмитрий Михайлович, заключило договор с Superwiller group – производителями игрушек и владельцами франшизы, он вместе с девочками из международного отдела стал бомбардировать правообладателей письмами о том, что «пионер» для русского читателя имеет совершенно иной смысл, чем для американского, предлагая замены:

«первопроходцы», «открыватели», просто «герои». Но из-за океана твердо отрезали: во всем мире известен *бренд* «Пионеры-бумси», и любое, хотя бы малейшее, отклонение от канона недопустимо.

После первых месяцев взаимного недопонимания русская сторона в лице Дмитрия Михайловича усвоила, что́ не стоит и предлагать, что́ подлежит обсуждению, а что́ можно спокойно менять, не опасаясь возмущения партнеров. И началась довольно ровная и довольно плодотворная работа.

Кроме «Пионеров-бумси» у Дмитрия Михайловича был еще журнал раскрасок «Раз краска, два краска», но с ним возни было немного: там работали главным образом верстальщики, а редактору оставалось только придумывать какие-то вступительные слова, вроде:

Вот и осень наступила, листья пожелтели, покраснели... А какими они еще стали? Быстро бери карандаш и выясни это.

Да к тому же еще и при верстке оказывалось, что места для такого многословия нет, и все сокращалось до:

Раскрась-ка деревья в осенние цвета!

И еще были книжки комиксов. То есть по сути-то они действительно были *книжками*, но по высшим издательским соображениям выпускались как периодическое издание, с соответствующей нумерацией. Несмотря на определение *периодическое*, никакой периодичности в их выпуске не соблюдалось, и как раз в описываемый нами период комиксы не на-

мечались. К счастью. Потому что если бы ко всем срочным журнальным делам еще и они – так вообще бы труба!

Кстати, читатель! Увлеченный тонкостями детско-развлекательно-игрушечно-издательского процесса, вы не упустили из виду того, с чего мы начали, – грядущих родов дочери Дмитрия Михайловича? Вот видите, а ведь вас от начала рассказа отделяет всего несколько абзацев. Так что не стоит удивляться тому, что и Дмитрий Михайлович за час и семь минут, которые заняла у него дорога от дома до работы, – нет, конечно, не совсем забыл о том, что должно сегодня произойти, это и невозможно: он был внимательным, любящим отцом, – но перестал думать об этом непрерывно, а вместо этого обратился мыслью к делам рабочим. Конечно, Леночка все равно постоянно *была рядом*. Но именно рядом – как сосед, сидящий в метро на одном с тобой сидении: ты помнишь, что он здесь, и можешь скосить глаз, чтобы посмотреть, что там он читает или во что играет, можешь даже перекинуться несколькими словами, спросив, который час или посетовав на духоту в вагоне, но это не отвлекает от чтения своей газеты или размышлений о работе. Как это и было с Дмитрием Михайловичем.

Его ждал напряженный день. Предстояло сдать очередной номер «Пионеров», и уже пришел перевод следующего, который надо было срочно отредактировать и передать на верстку. К тому же его постоянная напарница Ира Грекова

ушла в отпуск, так что могло внезапно *свалиться* что-то из ее работы. Конечно, Ира перед отъездом *все хвосты подчистила*, но в окончательности этой подчистки никогда не могло быть уверенности. На самом деле, и тот номер, который предстояло сдавать самому Дмитрию Михайловичу, пока не был окончательно утвержден американцами и в последний момент они могли прислать еще какие-то исправления. А самое главное – могли возникнуть дела, о которых заранее даже и не догадываешься.

Так оно и вышло.

Дмитрий Михайлович сел за свой стол и включил компьютер. Ввел пароль, зашел первым делом в почту и – опаньки! – три письма: от Нелли, секретарши, и два – от Кати Пораниной из международного отдела, той самой, что общалась с купервиллеровцами и служила передающим звеном между ними и главным редактором.

Тут мы вынуждены снова отвлечься от основной нити повествования. Так же, как читателей, не растящих детей соответствующего возраста, пришлось ввести в мир Пионеров-бумси, так и тем, кто не имеет отношения к издательскому процессу, надо пояснить, что из себя представляет главный редактор журнала.

Образ Главного Редактора журнала складывается у большинства людей по аналогии с образом главного врача боль-

ницы или главного режиссера театра, или, по крайней мере, главного технолога на фабрике. То есть он представляет либо самым большим начальником на предприятии (как главврач или главреж), либо руководителем крупного подразделения (как технолог). К тому же при словах «главный редактор» в памяти читающей публики всплывают имена Твардовского, чей «Новый мир» был властителем дум в давнишнюю оттепель или тех, кого, в пору ее ремейка тридцатью годами позже, называли прорабами перестройки. Да что там говорить! А Кольцов, а – копнем еще глубже – Некрасов? Какие фигуры! Что за имена! Вот это и есть главный редактор, не так ли?

Так-то оно так. Только ни к Дмитрию Михайловичу, ни к еще семи *главным редакторам журналов*, работавшим рядом с ним (об одной из них, Ире Грековой, мы уже упомянули), вышесказанное ни в малой степени не относится. В их подчинении не было не только *коллектива*, но и вовсе никого. Вообще, главный редактор журнала стоит в издательской иерархии на самой низшей ступени, он пролетарий, который пашет журнальную ниву, давая самому себе задания в качестве *главного* и выполняющий их в качестве просто *редактора*. Конечно, не он один находится на этом уровне: тут и дизайнеры, и верстальщики, и – в других, не редакционных отделах – сотрудники какого угодно профиля: от менеджера складских помещений до айтишника, следящего за работой компьютеров. Единственная категория служащих, кото-

рые смотрят на всех них (в том числе и на главных редакторов) снизу вверх – это уборщицы-среднеазиатки, да и то по причине традиционного пиетета людей, делающих что-то руками, к тем, кто работает головой, прикасаясь, в лучшем случае, к клавиатуре или карандашу.

Это, впрочем, относится лишь к формальной стороне дела. Неформально Дмитрий Михайлович пользовался большим авторитетом коллег. Ну примерно – как на заводе космической техники – уникальный фрезеровщик, который может выстрогать на своем токарном станке любую деталь для ракеты с точностью до микрона и к которому генеральный конструктор обращается на вы. Но все же, как ни крути, фрезеровщик он и есть фрезеровщик.

Впрочем, представление широких народных масс о том, что такое главный редактор, иногда играло на руку Дмитрию Михайловичу и ему подобным. Например, когда звонил возмущенный родитель ребенка, пославшего в журнал свои калляки-маляки две недели назад, с вопросом, почему нет рисунка в накануне вышедшем номере. В этом случае Нелля, к которой поступали все входящие звонки, сперва уточняла, о каком журнале идет речь, а потом произносила магические слова: «Минуточку, я соединю вас с главным редактором». Эта фраза действовала умиротворяюще: звонившему представлялась огромная организация, где-то на самой вершине которой сидит – нет, восседает! – почти недостижимый Главный, с кем его (Главного) личная секретарша его (звонивше-

го) соединяет. А могла бы ведь и не соединить. После этого тон претензии менялся на просительный, что-то типа: «Не могли бы вы спросить у того, кто этим занимается, что там с рисунком Ксюши Перепонкиной». Да, и еще «Извините» – в самом начале: «Извините, не могли бы вы...». Но что небожитель (-ница), снисходя до личного общения с читателем, вальяжно отвечал (-а):

– Видите ли, к нам ежедневно приходят сотни писем, а в номере мы можем опубликовать десяток рисунков максимум. Так что, сами видите, вероятность, что рисунок вашей Ксюши попадет в печать, ну очень мала. Но я прослежу («Сам проследит! Не шутка!»), чтобы ее рисунок не пропал из нашего поля зрения. Так что мы его обязательно рассмотрим, ну а уж повезет или нет, я вам не могу сказать. Я с вами говорю как со взрослым человеком. Ребенка, конечно, не надо разочаровывать, но вы как-нибудь так мягко объясните ей, что вероятность практически нулевая. А, кстати, когда вы послали?

– Да... недели две назад, – чувствуя себя почти виноватым в том, что отвлек такого важного человека от дел, отвечает родитель.

– Ну что вы! – с благодушным смешком говорит Главный редактор. – Мы в печать сдаем номер месяца за два до выхода в продажу. Так что ни в ближайший, ни даже в следующий номер вы в принципе попасть не можете. Так что в лучшем случае – месяца через три. И то, повторяю, шансов – один

из многих тысяч.

Так они и работали.

А мы возвращаемся к фразе «Так оно и вышло», последовавшей за словами «...могли возникнуть дела, о которых заранее даже и не догадываешься».

Дела, как и предполагалось, возникли. Они таились в трех полученных Дмитрием Михайловичем письмах. В первом (от Нелли), разосланном всем главредам, говорилось, что на выпусках должно стоять «Рекомендованная цена...» и дальше шла таблица цен.

Дмитрий Михайлович сохранил таблицу, стер строки, не относящиеся к его изданиям, распечатал и приклеил скотчем на стенку железного шкафа, в котором хранились вышедшие номера и прочее редакторское имущество.

Потом подошел к Жанне, верставшей «Пионеров» и попросил вставить «Рекомендованную цену». Оказалось, что она тоже получила письмо и уже вставила. Дмитрий Михайлович вспомнил об Ире Грековой, завещавшей ему свои издания. Один из Ириных журналов верстала Жанна, так что с ним проблем не было. По поводу двух других он пошел к верставшей их Алле.

Спросил у Кати Пораниной, надо ли отправлять на новое утверждение верстку с «Рекомендованной ценой». Она задумалась и пошла спросить у руководства.

Тем временем Дмитрий Михайлович открыл второе пись-

мо. Оно было как раз от Кати. И как раз насчет Ириной «Риччиналии».

Этот журнал, переводившийся с итальянского и рассчитанный на девочек, был посвящен королевству Риччиналия, населенному ежами. Ежиками там были все: король, королева, принцы, принцессы, кухарки, генералы, конюхи, взнуздывающие лошадей, и даже сами лошади. В общем, все. Вплоть до бабочек, порхавших в дворцовом парке. Исключение составляли рыбы. Они имели вид обычных рыб, и благодаря этому принц Элоуэй мог заниматься рыбалкой – это было его хобби. Отрицательных героев в этом мире не было. Разве что кто-то из ежеиков, тот же принц Элоуэй или его кузина виконтесса Миллинара, решали устроить маскарад и переодеться в кого-то стррррашного, но этот розыгрыш всегда своевременно раскрывался к общей радости и веселью. Впрочем, главной приманкой журнала было не содержание, а наличие игрушек, которые шли сериями: «Ежики-птички», «Ежики-эльфы», «Ежики-цветы», «Ежики-собачки», вплоть до «Ежики-посуда».

Катино письмо содержало указание просмотреть готовящийся номер и везде заменить Фонамею на Дуинию. Здесь же содержалась ссылка на скачивание изображений этой самой Дуинии в разных позах. Кто такие эти Фонамея с Дуинией, Дмитрий Михайлович не стал вникать, а просто переслал письмо со ссылкой Алле и пошел к ней, чтобы сказать о замене лично. Алла приняла это к сведению, сказала, что

сейчас занята другим проектом и обязательно поменяет. При этом она сделала пометку на листке, исчерканном подобными автонапоминаниями.

Вернувшись к себе, чтобы уже покончить с Ириными делами, просмотрел верстку последней «Риччиналии». Как выглядит подлежащая удалению Фонамея, он не знал и не пытался узнать: внимательная Алла ни одного изображения не пропустит. А вот все упоминания о ней в тексте надо было проверить. Он листал пэдээфку и отмечал, где встречается слово «Фонамея». Все было просто, пока дело не дошло да кроссворда. К счастью, кроссворды в этих журналах традиционно составляются без какой бы то ни было симметрии, слова лепятся абы как и зачастую пересекаются только одной буквой. Именно такой случай был здесь: сама «Фонамея» имела два пересечения: на Н и на Е, но за Н цеплялся некий «Эгнор», который больше ни с кем не пересекался. Решение нашлось и тут: в слове «Принцесса» есть и Н, и Е. Правда, «Эгнора» пришлось немного подвинуть.

Дойдя до последней страницы, Дмитрий Михайлович снова отправился к Алле. Все объяснил и оставил список исправлений.

Посмотрел на часы. Двенадцатый час. Почему ни Аня, ни Леночка с Вадимом не звонят? Может, опять отложили? Хорошо бы – на четверг. Тогда он сможет поехать вместе с ней. Решил, что прочтет третье письмо и позвонит сам. Даже ес-

ли пришли еще письма, все равно – после третьего.

Больше писем не было. Ну и ладно. Открыл последнее из утренних, тоже от Кати. Она переслала ему письмо от Линды Коул, их куратора из *Купервиллер групп*, с последними замечаниями по «Пионерам» и долгожданной строкой, гласившей, что после внесения этих исправлений номер утверждается. То есть его не надо посылать на дополнительную проверку. О радость!

Дмитрий Михайлович пошел к Жанне, чтобы изменить оставшиеся мелочи, и тут зазвонил его телефон. Точнее, это был не звонок, а мелодия Нино Рота из знаменитого фильма.

На определителе высветилось: «Аня». Не доходя до Жанниного стола, Дмитрий Михайлович свернул в коридор, чтобы говорить с женой в отдалении от чуткого, но излишне любознательного коллектива. Он шел, и ему казалось, что он невольно пританцовывает, как один из участников феллиниевского хора. Чтобы прервать звуковое сопровождение, нажал зеленую кнопку и буркнул в трубку:

– Сейчас, сейчас.

Зашел в туалет. Там никого не было. Правда, кто-то мог беззвучно таиться в кабинке. На всякий случай стал говорить общими фразами:

– Ну что?

Аня сказала, что Леночку сегодня *оставили*.

– И когда планируется? – спросил Дмитрий Михайлович.

– Что значит когда? Говорю же, сегодня.

– Нет, это я понял. Сегодня оставляют. А сами, – он понизил голос, – роды когда? Завтра? Послезавтра?

– Да нет же. Сегодня.

– Ничего не понимаю. Мы же договаривались, что ее положат за несколько дней, подготовят...

– Ну, договаривались так, а получилось этак.

Поняв, что от нее толку не добьешься, Дмитрий Михайлович дал отбой и стал застегиваться. Вода спустилась сама. Техника!

Вымыл руки, вышел в коридор и стал звонить Леночке. Ее телефон был отключен. Тогда он набрал Вадика. После четвертого гудка тот ответил:

– Слу-ушаю, Дмитрий Миха-айлович.

Сперва тестю показалось, что зять говорит неохотно, словно бы даже раздраженно. Но потом он сообразил, что у каждого волнение проявляется по-своему: Вадик был как будто оглушен всем свалившимся на него.

– Ну что там? Вы были у Маревич?

– Бы-ыли.

– И что?

Чем медленней говорил зять, тем больше волновался тесть.

– Мы пришли... Леночка зашла... А я остался... Потом Леночка вышла и сказала, что надо погулять.

– Как погулять? Где погулять?

– В сквере. Там рядом сквер...

– Может, лучше домой?

– Нет... Леночка сказала, что она у нее там... ну типа поковыряла... И сказала: «Погоуляй часа два...»

– И что? Вы гуляете? Когда это было?

– Нет... Мы уже не гуляем...

«Все кишки вытянет! Гуляем, не гуляем!..?»

Тут подошла Катя. Отыскав его наконец в коридоре, она сказала:

– Дим, ну где ты? Я всё... А! Или ты говоришь? Ладно, я потом.

Она отошла, а Дмитрий Михайлович спросил:

– Так что? Прошли эти два часа, что ли? Когда это было?

– Нет... Один час прошел... И десять минут... А потом она захотела в туалет. И мы пошли назад. Обратно. В институт. И она пошла. В туалет, в смысле. А охранница увидела, что она пошла в туалет, и говорит мне: «Куда она пошла? Ей в отделение надо!» А я стал стучать, а охранница вскочила и сама туда заскочила. И вышла с Леночкой. И она ушла.

– То есть *окончательно* ушла?

– Вроде бы.

– Они же обещали ее заранее положить! Мы специально приходили и на той неделе, и раньше...

– Я не знаю, – промямлил Вадик.

– Ну понятно... То есть, конечно, ничего не понятно. Зачем тогда договариваться? Ладно, – хотел было закончить

разговор Дмитрий Михайлович, но спохватился: – А ты сам-то сейчас где?

– Я? Я здесь... – ответил Вадик и по голосу стало понятно, что он оглядывается, чтобы понять, где же находится.

– В институте еще, что ли?

– Да...

– Так а что тебе там делать, если она уже ушла? Она точно окончательно ушла?

– Ну да. Попрощалась, с вещами...

– Так уезжай. Домой или еще куда.

– А может... Что-то будет нужно...

– Вадим, ну что ты уже сейчас можешь? Если что, тебе позвонят. Поезжай... Знаешь что? Лучше всего к своей маме поезжай. Она сейчас дома?

– Да.

Сам Дмитрий Михайлович в свое время, и когда Аня рожала их старшего, Юру, и когда – Леночку, был на работе. Но после работы отправлялся к родителям. Поэтому он и зятю предложил тот же рецепт.

На этом разговор закончился.

Дмитрий Михайлович сдвинул брови: когда он говорил, кто-то подходил, чего-то хотел. Но кто? Наконец вспомнил и пошел к Кате, и та сообщила, что была у Веры Владимировны, и они решили: раз номер утвержден, ничего не менять, а начинать вставлять *рекомендованную цену* со следующего номера. Он сказал: «Ага», – и пошел к Жанне, чтобы

ликвидировать только что вставленную строку. Сделав это несколькими легкими движениями, Жанна принялась возвращать на свои места другие элементы обложки, потеснившиеся ради фразы, в результате отмененной.

Дмитрий Михайлович сидел рядом, дожидаясь, когда обложка станет соответствовать высокому художественному вкусу требовательной верстальщицы, чтобы приступить наконец к внесению последних и окончательных изменений.

Перед его глазами стояло лицо Леночки, искаженное болью. Ведь ей, бедной, сейчас... Вот он тут сидит, что-то верстает, правит, практически развлекается, а она там... А в ней... Или уже – из нее... Нет, наверно, сейчас еще рано. Это ведь часами длится. Аня Юру двадцать часов рожала. Двадцать! А Леночка! Она не выдержит!..

Жанна закончила, и они стали вносить *американские* исправления. Собственно говоря, вносила она, а его роль состояла в том, чтобы переводить их пожелания с английского.

Булькнул телефон. Эсэмэска.

Привет папуль как дела?

Это она спрашивает! Он судорожно стал тыкать пальцами:
Как ты?

Хотел добавить еще что-нибудь вроде *Больно?* Но понял, что это глупо, добавил еще два вопросительных знака и ото-слал:

Как ты???

И тут же сообразил: как же это она пишет? Там ведь ничего нельзя. Стерильность. И вдруг – телефон.

Почему у тебя телеф

Не успел дописать вопрос, как пришел ответ на первый вопрос:

Реву как раненный олень

Она – ревет! Леночка, которая в пять лет ошпарилась – и то не кричала. В пять! И вот теперь, почти взрослая – *как раненный олень!* Впрочем, несмотря на потрясение, редакторский глаз заметил тройное *н*, то ли напечатанное впопыхах, то ли рука у нее дрогнула, и от этого стало еще страшнее.

Стал набирать вопрос, почему ей не дают обезболивающего. Ведь врач обещала, что будут давать. Пока формулировал, пришло:

Ну пока целу

Все же дописал и послал. Но дошел ли до Леночки его вопрос или нет, он так и не узнал.

– Дим, чего они тут хотят?

Пока он переписывался, Жанна сама разобрала несколько исправлений и внесла их, дошла почти до конца – до странички с ответами и анонсом следующего номера – и споткнулась на... Он вчитался. Не понял. Помотал головой и прочел снова. А, ну да, что тут неясного? Они хотят, чтобы мы точно указали дату, когда выйдет следующий номер. У них-то однозначно стоит – 22-го. А мы пишем обычно: «Не про-

пусти следующий номер!» Никогда это не вызывало нареканий, а вот заметили. Правда, не настаивают, пишут: *It would be great...* Ну так будет не совсем *great*.

– Пропустим.

Осталось последнее исправление – в ответе на одно из заданий. В английском варианте правильный ответ был В (то есть *Би* – второй по счету), и так и осталось. Получилось русское *Вэ* и что правильный ответ – третий.

– Фу-ты, это моя вина, не проверил ответы.

– Мне казалось, я исправила.

– Всё равно я должен был проверить. А они-то всё замечают. Молодцы, – редкая похвала русского редактора американским коллегам.

Наконец все было сделано, Жанна послала файл окончательно отписываться, а Дмитрий Михайлович смог приступить к своей обязанности в узком смысле – редактированию текста, полученного от Тони, его постоянной переводчицы.

Из головы не выходил *раненный олень*. Странно: договаривались же на обезболивание. Набрал жену, чтоб спросить, но у той было занято.

Собственно говоря, он переживал уже нечто подобное. Но именно *подобное* – когда рожала его невестка Юля, жена старшего сына. И даже еще два раза – когда появлялись на свет его собственные дети. Но тогда, больше двадцати лет на-

зад, он был еще совсем молодым и как-то легко всё воспринимал. А вот во время родов Юли было, и правда, похоже. Только, как известно, *похоже и одно и то же* – весьма разные вещи. Тогда он тоже бурно переживал и тоже очень сердился, что молодые легкомысленно относятся, и тоже страшно волновался, как всё пройдет, и тоже просто до трепета боялся, что маленькому что-то повредят и – правда, без трепета, а просто боялся – что что-то повредят Юлечке. Всё это было тогда, и всё это было сейчас. С одной только разницей – сейчас он еще и *страдал*.

Он страдал вместе с дочкой, он почти чувствовал ее боль. И он страдал сам по себе, представляя ее не такой, какая она сейчас, а какой была пятнадцать и двадцать лет назад, и при этом – что вот она лежит, раздвинув ноги... И сколько он ни твердил себе, что она же не в возрасте четырех или, там, девяти лет рождает, что все-таки, сейчас она взрослая, но отогнать это жуткое видение не мог. *Как раненный олень!*

Отозвалась Аня:

– Ты мне звонил?

– Да. Мне казалось, что должны были дать наркоз. Или я что-то путаю?

– Какой наркоз?

– Ну, обезболивающее.

– А! Ну это еще не сейчас – это, наверно, когда уже сами роды пойдут. Я точно не знаю.

– А сейчас что, не роды?

– Сейчас схватки.

– Может, все равно можно обезболить?

– Не знаю, там, наверно, без нас знают, что и как.

– Ладно, пока!

А на планете Курошанд тем временем прорастало растение бубуру, полу-дерево, полу-змея. А сок его плодов... Кстати, в оригинале эти плоды никак не назывались: плоды и плоды, – а Дмитрий Михайлович в прошлом номере (том самом, который сейчас сдается: для редактора он уже стал *прошлым*) придумал им название – бубуруши, соединив *бубуру* с *грушами*, и Линда никак не отреагировала; правда, это не означает, что она не спохватится через месяц или еще позже и не придется отказаться от этой находки. Так вот, сок бубуруш... Сперва Дмитрий Михайлович писал: «бубурушей», но корректор Нина заметила, что, раз это слово построено по модели *груш*, то и склонять надо — *бубуруши*; великое дело – хороший корректор! Так вот, сок бубуруш обладал тем свойством, что, попадая на электрические провода, превращал их в живых червей, которые могли заползти куда угодно и изрыгнуть (нет, конечно, в окончательном тексте этого неаппетитного слова не было, там использовалось нейтральное *выпустить*) разряд молнии. Но беда в том, что, напомним, бубуру было лишь отчасти растением, а отчасти – еще и змеей, поэтому добыть его плоды можно было только, загипно-

тизировав его игрой на... Думаете, свирели или флейте? Ну не надо же так банально мыслить! – на гитаре! Причем, авторы первоначального английского варианта *оттягивались*, вкладывая в уста Пионеров-бумси несколько переделанные цитаты из известных рок-песен. Наши же переводчики, и, в частности, Тоня, напротив, не заморачивались и тупо переводили текст. Впрочем, при том, какие гроши им платят за перевод, невозможно требовать от них чего-то большего, чем подстрочник, который предстоит облагородить редактору.

В первых номерах он еще не сообразил, что к чему, и так оно и шло: Пионеры-бумси или Пираты-керуки (те тоже охотились за бубурушами) играли на гитаре и пели какую-то галиматью. Ну, мало ли что поют под гитару! Заметил неладное (или именно что *ладное*?) Дмитрий Михайлович на третьем номере журнала, когда в пузыре, выходящем из рта певца, стояло:

*Не торопись,
Будь хиппи!*

Как-то это было совсем уж бессвязно: конечно, в Бумси-ландии много земного, вплоть до англоязычных имен и фамилий, но неужели там и хиппи свои имеются? Он полез в английский текст на предмет опечатки. И увидев:

*Don't hurry,
Be hippie! —*

понял, что это парафраз «Don't worry, be happy!». Тогда-то ему и пришло в голову использовать цитаты из песен отечественного производства, никак не привязываясь к оригиналу. В результате вместо «Не торопись...» в русской версии журнала появилось:

*Над бубуру горит
бумсийская звезда!..*

Для ясности хотел еще добавить: «Пришелец не спешит, пришелец понимает...», — но на это уже места не было, и он решил обойтись без этой точки над i.

В дальнейшем, встречая текст, который отважные Бумси пели дереву-змее бубуру, Дмитрий Михайлович, не обращая внимания на перевод, сразу заменял его на шутливо (а порой натужно) измененные цитаты из попсовой или рок-лирики, а песни кровожадных Керуков кроил из блатняка, разумеется, приличного (в смысле, без нецензурщины).

На этот раз никаких каламбуров на тему популярных мелодий в голову не приходило. *Раненного оленя* вытеснило кесарево сечение. Точнее, мысль о том, почему он не настоял, на том, чтобы его сделали!

Ну как же, в самом деле, мог Дмитрий Михайлович проявить такую мягкотелость! Ведь еще районный гинеколог, когда Леночка к ней пришла на третьем месяце, спросила: «А муж у вас высокий?» – и узнав, что да, сказала: «Может быть, придется кесарить». «Может»! Да обязательно надо было! Еще и таз у нее... Ну да, да, сделали анализ... Не рентген, а как его? ...*грамма* какая-то. Чтоб таз проверить. Сказали, что ничего, нормальный – все и успокоились. Так ведь нормальный-то нормальный. Это он, может, для других такой – нормальный. А для Леночки... Мало ли что там бывает! Не то прилежание, да тысячи отклонений могут быть! А кесарево – раз, и надежно. Да еще с обезболиванием. Правда, теперь всем обезболивают, и без кесарева тоже. Черт знает что! Когда-то говорили, ни за что нельзя. Вот – он еще совсем молодым был – когда Аня первый раз рожала, он именно спросил у врача: «А почему нельзя под наркозом рожать? Уснула бы, проснулась – а тут ребеночек готовенький». Так тот на него как на дурачка посмотрел: «Вы что, не понимаете? Она же должна всё чувствовать, реагировать!» А теперь оказывается... Ну пусть это не наркоз называется, а обезбоживание. Велика разница!

Заиграл телефон, и Дмитрий Михайлович схватил трубку и почти закричал:

– Ну что?!

– Димуль, это я, что с тобой? – прощепетал из трубки го-

лос зав. рекламным отделом Тамары.

– А, Тамарик, привет!

(У них давно установился такой нежно-воркующий стиль общения.)

– Димуль, у тебя найдется полполоски под барашка Бэчки?

– Где?

– Ну где, где? В «Пионерах», конечно!

– Тамарик, ты что! Мы же сегодня сдаемся. Всё утверждено! Ты бы хоть дня три назад сказала.

– Да они только сегодня прорезались. Ты же понимаешь: барашек Бэчки!

Дмитрий Михайлович понимал: «Барашек Бэчки» – новый бренд одного из их самых ценных партнеров. Но и хозяева «Пионеров-бумси» тоже были не последними в иерархии приоритетов.

– Ладно, я схожу к Верочке, – с придыханием сказала Тамара.

– Ага, я тоже подойду. Ты прямо сейчас?

Она дала отбой, не дослушав, но он и так понимал, что боевая пиарщица уже на пути к директору департамента периодических изданий. Они, действительно, столкнулись перед дверью Веры Владимировны.

В кабинете шло совещание с экономическими сотрудниками. Дмитрий Михайлович подождал бы, пока оно кончится, но Тамара, бронебойная при всей своей изысканной утон-

ченности, ворвалась внутрь. Ну раз так, то и он просочился следом.

– Что-то случилось? – подняла на них взгляд Вера Владимировна.

– Верочка, – спокойно ответила Тамара, – «Барашек Бэки» объявился. Как мы договаривались, я им ни-ни, не звонила, не писала, и вот – сегодня... Сами... Здорово!

– Здорово-то оно здорово, но какие их условия?

– А это зависит от того, в какой номер.

– Понятно, – кивнула Вера Владимировна и обратилась к Олегу, главному технологу: – Олег, у нас что еще за этот месяц не сдано?

– Да только вот, «Пионеры», – кивнул тот в сторону Дмитрия Михайловича. – Ну и чисто теоретически можно срочно послать полосу на замену в «Друзей динозавров». Хотя вряд ли. Скорей всего, они уже их печатают.

– И всё, да... – вслух помыслила Вера Владимировна.

– Нельзя их упускать, – подсказала ей Тамара.

– Да это понятно... А на сколько мы еще можем «Пионеров» задержать? – обратилась директор департамента к Олегу.

Тот стал что-то прикидывать в уме, невольно загибая пальцы, после чего изрек:

– До понедельника, но это уже полный...

И он добавил нецензурное слово, вполне описывающее, что будет, если они задержат печать до понедельника.

– М-да... Полный... – Вера Владимировна, хмуря брови, мыслила вслух: – ... пиздец...

Потом резко схватила телефон и стала набирать номер.

Пока она выясняла у Кати Пораниной, есть ли шанс, что американцы успеют переутвердить номер до понедельника, если их очень попросить, Дмитрий Михайлович мысленно возвращался к разговорам, которые многократно вел с Леночкой на протяжении предыдущих девяти месяцев, – о том, что ей обязательно надо ходить на специальный фитнес для беременных.

Наконец, Вера Владимировна положила трубку и вынесла приговор:

– Дмитрий, срочнейше вставляете барашка, и новый файл – Кате! Попробуем до понедельника согласовать.

– Но ты понимаешь, что это крайний край? – уточнил Олег. – Дальше я ни на минуту не могу. Что будет на тот момент утверждено, то я и отошлю.

– Да понятно, понятно.

– Тогда уж мы и «Рекомендованную цену» вставим, – сказал Дмитрий Михайлович не потому, что был не уверен в этом решении, но просто чтобы как-то оправдать свое появление здесь.

Они вышли из кабинета.

– Димуль, а как там Ленка?

(«Откуда она знает? Всё-то эти женщины пронюхают».)

– Пока неизвестно. Ее ведь только забрали.

– Забрали? Куда?

– Да в роддом же!

– Уже? Я думала, у нее еще месяцев семь, семь с половиной.

(«А, она, оказывается, не знала. Так, вообще спросила».)

– Нет, уже, вроде как, срок. Не знаю, что там будет...

– Да все будет нормально. Чего ты?!

(«Конечно, ей легко говорить. Не ее дочка там... *Как раненный олень*».)

– Ладно, спасибо.

Повернулся.

– Файл лежит в папке с рекламой, посмотри за сегодняшнее число! – крикнула ему вслед Тамара.

Открыли с Жанной файл. К счастью, рекламная картинка оказались не вертикальной – правые полстраницы, а горизонтальной – нижняя половина. Как раз в номере нашлась страничка с двумя заданиями. Условно они назывались головоломками, но, по правде сказать, были такими примитивными, что ломать голову там было не над чем. Ладно, головоломки и головоломки. Жанна поместила рекламу в низ полосы. Закрытая ею головоломка слегка выглядывала: первое задание занимало меньше места, чем второе, и не доходило до экватора страницы. Но растянуть его, сдвинув вниз картинки и чуток растянув текстовый блок, было делом несколь-

ких минут.

(Растянуть... Вот именно об этом и думал все время Дмитрий Михайлович. «Растянуть – это же не просто так. Это в журнале легко: хоть растянуть, хоть поджать. А в организме! Надо же было специальные упражнения делать, на растяжку и на укрепление мышц. Ленивая бездельница! Талдычил, талдычил ей – всё как горох об стенку! Вот теперь и реви. Как олень».)

– Готово, – сказала Жанна.

– В ответах еще надо... – заметил Дмитрий Михайлович.

– Да, конечно, сейчас. Не волнуйся, я сама.

– А ты поставила слово *РЕКЛАМА*?

– А как же!

– Я что-то не вижу.

– Да вот же!

– Ловко!

Действительно, заветное слово было совсем не заметно: белым на светлом фоне. Но и обвинить их в том, что они его не поставили, было бы невозможно.

– Может, черным сделать?

– Не, так прикольной.

– Ну, ты ответ сама уберешь, я ведь тебе не нужен?

– Нет, Дим, не волнуйся. Ты же все равно перед отправкой еще будешь смотреть.

Вернулся к себе. Но работать не мог: его так и распирало. Взял телефон и направился к двери в коридор.

– Дим!

– Что?

– А там еще в содержании...

Он снова подсел. В содержании эта страничка анонсировалась как «Кубики и молнии». Действительно, первое задание было про кубики, а второе – про молнии. Теперь молний не было.

– Ну давай напишем: «Волшебные кубики»... Нет, волшебные – плохо, мы ведь от сказочности как раз все время уходим.

Жанна терпеливо ждала его решения.

– Может, *Фантастические*? Посмотри, там места хватит?

– Немного вылезает. А если в две строчки?

– Не-не-не, так все поползет.

– И что? Я подтяну.

– Не надо, я сейчас придумаю. Может... *Необыкновенные*? Нет, еще длиннее.

– Супер-? – предложила Жанна.

– Да с этим словом всегда проблемы.

В самом деле, все корректоры как один требовали, чтоб *супер* писалось слитно, но это совершенно не смотрелось. Например, *суперсамоделка* – ребенок с ума сойдет, читая это. Обычно Дмитрий Михайлович писал такие слова в две строчки, как бы переноса: знак переноса, тешащий принципиальность корректора, читался обычным человеком как простая черточка. То есть и так, и так можно его восприни-

мать, как хочешь. Но здесь этот прием не годился: если в две строки, так и *Фантастические* бы подошло.

– А если «Чудо-кубики»?

– О, это в самый раз! – согласилась Жанна. – Мне тебе послать файл, когда отпишется?

– Да нет, что там уже может быть? Посылай прямо Кате, чтоб она отправляла поскорей.

Наконец он оказался в коридоре. Набрал Аню.

– Ну что?

Он спрашивал с некоторым раздражением, будто жена была виновна в том, что сейчас переживает их дочь. Впрочем, оказалось, что в этом, хотя бы отчасти, действительно была ее вина. Потому что, услышав, что всё по-прежнему, он сказал:

– Вот я так и знал!

– Что ты знал?

– Что она никогда до упражнений не дойдет. Это ведь элементарно. Я ей специальный комплекс дал! Гера что, зря старался?

Их друг Гера увлекался бодибилдингом и еще с полгода назад по просьбе Дмитрия Михайловича нашел в специальной литературе комплекс упражнений для беременных.

– Я ей дал его, и что? Пару раз сделала, и всё.

– Слушай, ты так говоришь, как будто я в этом виновата.

– А кто?! Я всю жизнь пытался ее к спорту приобщить, а

ты ее расхолаживала.

– Да как это расхолаживала? Что, я мешала ей ходить на занятия?

– Не мешала, но и не помогала. И сейчас тоже. Девять месяцев я, как какой-то городской сумасшедший, бегаю и кричу...

В глубине души он знал, что если кого и винить, то в первую очередь самого себя. Да, он действительно попросил Геру подобрать комплекс. Да, время о времени он действительно произносил страстные монологи, доказывая очевидное – что важно укреплять мышцы, что ребенок не выскочит сам собой и прочее в том же духе. И даже да, действительно раза три за минувшие девять месяцев залезал в интернет и находил спортивную группу вблизи от дома и с удобным расписанием. Но произнеся все эти правильные слова и передав дочери адрес группы и телефон тренера, он считал, что дело сделано, тем более, что она смотрела на него понимающими глазами и кивала. Проходило несколько дней, и он спрашивал: сделано ли что-нибудь? записалась ли на курсы? хотя бы позвонила ли тренеру? на худой конец, делает ли упражнения дома? И каждый раз находилась уважительная причина, по которой вот прямо сейчас это невозможно. То в спортцентре карантин и беременной к нему на версту приближаться нельзя, то Леночка принимала какие-то таблетки, которые не рекомендуется сочетать с физическими нагрузками, то еще что-то. «Ну так надо поискать другой центр», –

говорил он. Или: «Но как только ты этот курс отпринимашь, так сразу, да?» И услышав в ответ: «Конечно», «Обязательно» или «Еще бы!» – успокаивался на месяц-другой. После чего все повторялось с такими же результатами.

Собственно говоря, так оно было и во все прошлые годы: он записывал дочку в очередную секцию, водил раза три, потом передоверял это жене или теще и... спустя какое-то время узнавал, что этот вид спорта ребенку не подходит или что расписание неудобное, или, наконец, что она не нашла общего языка с тренером и «не портить же ребенку нервы из-за этого». На рисование она ходила, в старших классах – на кружок по биологии. А вот со спортом никак не складывалось. О чем Дмитрий Михайлович вспомнил теперь, когда уже ничего нельзя было изменить, и его затрясло от чувства бессилия.

Анна Романовна обычно давала мужу выплеснуть эмоции. Но на этот раз эмоций у нее самой хватало, и он получил неожиданный отпор:

– Что ты разоряешься?! Все идет нормально! Анализы, все отличное...

– Ну о чем ты говоришь! Ты хоть сама слышишь, что говоришь? Анализы! А то, что она крошка, а Вадик дылда – это что, я придумал?

– Ну ты же знаешь, что Людмила Викторовна сказала: «Это роли не играет»?

– Да мало ли что сказала? Все это знают, это азбучная ис-

тина! Я в интернете смотрел, все врачи, и наши и европейские, и американские, и какие хочешь – в один голос: «Это фактор риска»!

– Так фактор же. Мало ли факторов? Ну что тебе нужно? Врач от нее не отходит. И мышцы у нее в порядке. Нечего выдумывать всякие страсти!

– Нет, не в порядке! Я что, не могу понять? Там не мышцы, а каша. И с чего взяться мышцам, когда она двух часов за свою жизнь спортом не занималась? Главное – ты же сама из-за этого с Юркой так мучилась, едва родила! И теперь сама же... «В порядке»! Вот ты так всегда выдаешь желаемое за действительность!

– Слушай, если у нее что не в порядке, так это отец. С головой его, в смысле.

– Это у меня с головой не порядок? Да я...

– ... как городской сумасшедший, – закончила за него жена.

Тут он совсем взорвался:

– Тебе еще до каламбуров?! Я целый день с ума схожу...

– А я не схожу, да? Мне она не дочка, да?

Они еще немного покричали друг на друга, и это дало обоюдоспокойтельный эффект. Во всяком случае, прощались они почти спокойно.

Сказался эффект от этого разговора и в том, что он смог вернуться к своим пионерам и пиратам. Не физически вер-

нуться: для этого достаточно было сесть за стол. А – мысли собрать и сосредоточиться.

Сосредоточиться не удалось. Не успел на экране развернулся текстовый редактор с переводом, как подошла Лина Гальперина.

– Привет! Кофейку не хочешь?

– Можно.

Он как бы и не виноват, что не занимается переводом: не откажешь же коллеге.

Пошли в холл, где стоял аппарат, выдававший горячие напитки и всякие готовые закуски, от эфемерных пакетиков с орешками до довольно сытных сэндвичей. Взяли по чашечке кофе: он – с молоком и сахаром, она – без ничего.

– Ну, как тебе последняя игра? – спросила Лина.

Речь шла о «Что? Где? Когда?» Они каждый раз ее обсуждали. Вообще, от Лины можно было узнать что-то новое о театральной жизни, книгах и прочих *новостях культурной жизни*. Если она что-то хвалила, Дмитрий Михайлович загорался желанием прочесть или посмотреть то, о чем она с жаром рассказывала, но, как правило, этот порыв затухал прежде, чем он успевал сделать к его реализации какие-то шаги вроде покупки билетов или скачивания фильма, и он ограничивался той порцией информации, которую получил от Лины.

– Я про шляпу сразу ответил, – с гордостью сказал Дмитрий Михайлович.

– А я – про светофор и про «Мцыри».

– Ну про «Мцыри» легкий вопрос был. Это все угадали.

– А про флейту глупость какая-то.

– Да! Это никакой логикой невозможно вычислить, если не знаешь конкретно.

– Ну, вообще-то они знатоками называются. Значит, надо знать...

Они начали спорить, точнее, продолжили свой извечный спор: Дмитрий Михайлович считал, что вопросы на чистое знание не должны использоваться в программе, а Лина с ним не соглашалась.

– Ты же сама сказала: «Про флейту глупость».

– Этот конкретно вопрос – глупый. А вообще или не надо называться знатоками, или...

– Тогда давай зададим им: «Напишите формулу...» Ну я не знаю, химическую какую-нибудь, или «Теорему докажите».

Дмитрий Михайлович кипятился, доказывая свою правоту, и при этом у него было чувство, будто некая всепроникающая рука схватила его внутренности от желудка до горла, слегка, но ощутимо сжала их и не выпускает.

Он ждал, что она спросит, как Лена, но она не спросила.

Поспорили еще немного, допили кофе и разошлись по своим углам.

Перевод терпеливо ждал на экране. Оказалось, что, тихо-тихо, Дмитрий Михайлович уже одолел три вступитель-

ные страницы журнала и первую половину комикса, занимавшую пять страниц, и добрался до раздела «Досье». Эта рубрика всегда состояла из двух частей – по страничке, посвященной одному положительному и одному отрицательно-му персонажу. Первый, естественно, назывался героем, второй – злодеем. Вверху обеих страниц обозначалась их принадлежность к той или другой категории: «Пионер/герой» и «Пират/злодей». Это – в английском варианте. Но понятно, что первое определение было совершенно неприемлемо для бывшего члена Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. И надо полагать, что если не родители юных читателей, так уж дедушки-бабушки – точно были бы удивлены, не увидев под этой *вывеской* какого-нибудь Павлика Морозова или Володю Дубинина. И в очередной раз американцы уперлись. Дмитрий попытался заручиться поддержкой московского представительства Купервиллера, но там работали молодые люди, не обремененные грузом советского прошлого. В результате долгой и нудной переписки все же удалось добиться замены в данном разделе слов *Пионер* и *Пират* на *Бумси* и *Керуки*. «Бумси/Герой» – никаких ненужных ассоциаций!

«Нет, но почему обезболивание не делают? Ведь обещала же...»

И тут его поразила новая мысль: если не делают, то неспроста. Значит, что-то не так пошло. Может, аллергия на

обезболивание или с сосудами что-то? Значит, любая реакция может быть: отек, кровотечение... А если отек горла!.. С другой стороны, если даже так, то хорошо хоть, вовремя заметили, не стали колоть. А если как раз *не* заметили: вкололи, и началось... Просто нам не сообщают?!

«Всё, всё. Леночке все равно я ничем помочь не могу. Надо сосредоточиться».

Итак, Роджер К. Макнауэлл. (Каждый раз, встречая этого персонажа, одного из главных Пионеров-бумси, Дмитрий Михайлович думал: «Специальная порода, бумсиландские шотландцы». Подумал он так и на этот раз.) Родился в форте Джимакари. Первое боевое крещение получил в битве за Пласхауз, что на планете Векос. Отличился, пробравшись в недра ядерного реактора... (Только не надо спрашивать, как он в этих недрах выжил, ясно же, что на нем был специальный комбинезон из анаидальской стали.) Да, значит, в недра пробравшись... И замкнув контакты верпатозащитного изолятора...

Далее в досье подробностей не было: на то и досье, чтоб – только сухие факты. Но Дмитрий Михайлович, благодаря комиксам поднаторевший в героической истории Бумсиландии, знал, что произошло далее: после этого замыкания изоляция раскалилась (большими буквами «ШШШ-ШШРХ») и пошла трещинами («КРРРАХ ТРРРР ГРМПС»), верпатоидная жидкость закипела («БУЛЬК-БУЛЬК ФШШ-

ШШ ГЛЮК-ГЛЮК-ГЛЮК») и залила рабочую полость реактора («ЦСССС ШУХ ШУХ ШУХ»), после чего, понятное дело, всё там ядерно рвануло («БАБАБАБАХ БЭНЦ ТОНКЦ БУМЦ», ну и заодно «АГРРХ», которое в ярости издал Ли Фумонг, командующий армией Инкантроидов, защищавших Пласхауз). Всё, разумеется, разлетелось на мельчайшие ионы («Ионы! Да еще *мельчайшие!*»). И остались в живых только сам Роджер К. и Ли Фумонг. Ну, Роджер К. — понятно: в анаидальском комбинезончике любой бы спасся. А вот как это удалось коварному Ли? Очень просто: поначалу-то на мельчайшие ионы и он распался, но по случайности это ионное облачко попало в силовое биофреническое поле, излучаемое гипер... Дмитрий Михайлович подзабыл, как полностью это устройство назвалось, но *гипер-* и *-трансммиттер* там точно были. И под воздействием этого поля частицы обратно склеились, и Фу Лимонг... тьфу ты, Ли Фумонг снова стал почти как новенький. Почти — потому что у него ноги теперь росли от плеч, а руки... Ну, соответственно. Что, конечно, неприятно, но все же лучше, чем порхать ионным облачком. А главное, совершенно не мешает творить злодеяния и при всякой возможности пакостить Пионерам-бумси.

«Сколько уже она там? Часа три... (Посмотрел на часы.) Как? Не может быть! Уже четыре часа, пятый?! Чудеса! Мне казалось, еще где-то час-полвторого. Бедненькая! Когда у нее началось? Часов в одиннадцать. Это выходит, Леночка

моя уже пять часов мучается. Скорей бы! Если бы кесарево, все уже было бы позади. Ну как же это я не настоял?! И никто, никто, кроме меня не думал. Не могу же я один всех переубедить. “Надо чтоб естественно! Надо чтоб всё своим путем!” Им бы самим так помучиться!»

Дмитрий Михайлович как-то упускал из виду, что и жена его, и обе их мамы, кто раз, а кто и дважды это переживал. То есть не то чтоб упускал, но – разве могли давнишние страдания этих взрослых женщин сравниться с мучениями, вот прямо сейчас переживаемыми его маленькой, беззащитной, безропотной, слабой дочечкой!..

Впрочем, эти мысли не помешали сообразить, что, если сейчас уже позже четырех, то он давно пропустил время обеда. Ну, кофе выпил, но это вопроса не решало. Что-то проглотить надо же. Хотя какой тут аппетит... Кусок в горло, как говорится...

Он заставил себя подняться и понял, что *за всеми делами* не чувствовал, что давно пора было посетить туалет. Что уж тут говорить об аппетите!..

Зашел. Вышел с вымытыми руками. Наконец добрался до питательного автомата, и... Что же выбрать? Сэндвич? Нет, его жевать... Никаких сил нет. Шоколадный батончик? Представив себе эту сладко-липкую массу во рту, он ощутил рвотный позыв. А, вот! Глазированные сырки. Это еще как-то можно. И – кофе? чай? Кофе уже пил. Вообще, да, к сырку чай лучше.

(Ну вот, он тут сырки жрет, еще и выбирает, что лучше – чай или кофе, а она там – *как раненный олень...*)

Запустил в щель сторублевую бумажку, набрал нужный номер и вынул сырок из поддона, куда его сбросила механическая рука. Не забыл и про сдачу. Включил чайник, дождался кипения, налил в чашку. Пакетики лежали в коробке на столе.

Хоть и без желания проглоченный, но все-таки этот эрзац-полдник позволил Дмитрию Михайловичу в очередной раз вернуться к переводу.

Из шестнадцати пунктов, составлявших перевод досье, пятнадцатым шла таблица, в которой перечислялись: 1) фантастические свойства Роджера К. Макнауэлла, 2) виды вооружений, которыми он владел (названия Тоня перевела неправильно, пришлось проверять по сайту), и 3) его личные особенности, а именно любовь к говорящим кактусам и способность внезапно засыпать в совершенно неподходящей ситуации, но зато видеть при этом вещие сны.

Расправившись с таблицей, Дмитрий Михайлович перешел к последнему пункту на этой странице – сердечным привязанностям. Бумси/герой был безответно влюблен в красавицу Ми Чан, принцессу со звезды (!) JQ-18/6. Ну, такая звезда, что тут скажешь? Разве что можно отметить политкорректность создателей *пионерской* эпопеи, скомпенсировавших наличие в ней злодея с ориентальным именем ана-

логичным именем героини, обладающей всеми мыслимыми достоинствами.

Дмитрий Михайлович полез в интернет, чтобы проверить название туманности, в которой произошло решающее объяснение Роджера К. и Ми, но тут снова зазвучал Нино Рота.

На сей раз звонила мама. Мама Дмитрия Михайловича.

– Митя, ты где?

– На работе.

– Я не понимаю, о чем ты вообще думаешь? Какая работа? Немедленно поезжай к Леночке!

(Лариса Сергеевна была в прошлом учительницей и даже завучем школы, и выработанный за многие годы тон общения с учениками не покидал ее и на пенсии.)

– А что мне там делать?

– Как что?! Договорись обо всем.

– О чем? Аня давно обо всем договорилась.

– Аня! О чем может договориться твоя Аня? Не смей меня. Тем более, что мне не до смеха. Ребенок бог знает в чьих руках! Муж ее тоже еще ребенок, какой с него спрос? А родители ухом не ведут!

– Мама, ну всё в порядке. Анализы все сделаны, они отличные.

– Причем тут анализы! Что, роды от анализов зависят? Не так повернется плод, запутается в пуповине! Наконец, инфекцию могут занести!

– Какая инфекция, мама? Это лучшая московская больница!

– Вот именно что *московская*! Как будто ты не знаешь наше здравоохранение! Все развалено, врачей нет, технике сто лет в обед, лекарства не закупаются!

– Успокойся, мама. Всё там есть. Там эта... Ну как ее? Аниной подруги племянница... Ну ты знаешь, она полгода назад родила...

– Что ты мне объясняешь! Я прекрасно помню, что эта Зоя («Да-да, точно! Зоя!») вам туда рекомендовала, и что у ее племянницы все сошло благополучно. Но ведь тут – теория вероятности. У той – благополучно, та, может быть, спортсменка, за городом живет, на свежем воздухе, воду, может быть, чистую пьет, витаминами питается. А Аня? Сидит на вашей загазованной Варшавке, спортом не занимается. Что там может быть хорошего?

– Мама, она ходила на специальные занятия. Я ей нашел группу. Вадик купил абонемент.

(Кстати, абонемент действительно был куплен, хорошо еще, что не очень дорого стоил, хотя денег все равно жалко. Не в смысле *жалко*, а что впустую. А так-то – чего уж...)

– Ой, только не надо мне рассказывать, как она ходила. Ну, может, была там пару раз...

– Она и дома занималась... И фрукты я все время покупал... Вадик даже из фильтра ей воду не давал, в баллонах приносил...

– Митя, хватит болтать попусту. Если тебе твоя дочка безразлична, так и скажи...

Пауза.

– Мама...

– Тише, не кричи... (Пауза.) Ой, у меня от вас от всех давление... Я чувствую, прямо горю вся. Ладно, делайте что хотите, твоя дочка, твоя внучка...

Она дала отбой, а Дмитрий Михайлович погрузился в новые пучины ужаса. До сих пор он волновался за неродившуюся внучку (а они знали, что там девочка – УЗИ трижды показало), но слова Ларисы Сергеевны о возможной инфекции родили в его воображении картины еще более ужасные: вот Леночка лежит, неподвижная, со скрещенными руками, вот Вадик рыдает, вот Аня, обе их мамы, Юрина Юля – все в черных платках, они с Юрой в темных костюмах... Тут же старший внук, Сережа, вертит головой, ничего не понимает; да и что можно понять в три годика от роду? А Лена – такая красивая, такая спокойная, внезапно повзрослевшая, ручки на груди... Да, по сравнению с этим *раненный олень* – ерунда.

Он потряс головой: вот бред! С чего бы? Все будет нормально. Ну да, с маленьким – оно конечно, все может быть... Но с Леной...

И какая из нее, в сущности, мать? Что она может? Ребенок! Он буквально вчера только учил с ней «Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало...» Ну как там: сперва *солнышко*, потом *небо* или наоборот? Неважно.

С этими стихами произошла одна из их любимых семейных историй. Лена ни в какую не хотела их учить. Уже и Аня ругалась, и даже Юра вмешался на правах старшего брата – всё без толку! И только он, Дмитрий Михайлович, понял, что если она так яростно сопротивляется, значит, неспроста, не из одного же упрямства. Начал с ней говорить, так-сяк, она молчит. И все-таки он от нее добился: «Не хочу про змей». Какие змеи?! Где? У Пушкина? Слово за слово – выяснилось, чего она боится: «*Уж* небо... *Уж* реже...» Конечно, он не удержался от смеха. А потом объяснил, что это не про *ужей*, а – то же самое, что *уже*. И ведь никто не понял, что ее напугало! Один отец Леночку всегда понимал. Они часто этот случай вспоминали, смеялись. Доведется ли еще посмеяться с ней вместе?

Или как в кино ходили – на Диснея, на наши мультики... Какое было счастье: вдвоем, на ранний сеанс. Иногда с Юрой втроем. А Аня – ник в какую: «Еще и в выходной рано вставать!» Она даже не понимает, какой это кайф. Вот – «мать»! Что ж удивляться всему остальному? А ведь он еще представлял, как через несколько лет пойдет с маленькой – в кино, на елку, в театр на утренник... Какое там! Хотя бы Леночка жива осталась!..

Керуки/злодеем в этом номере был как раз Ли Фумонг со своей рокировкой конечностей. Всё было переведено довольно нормально. Только вот Пласхауз Тоня написала как

Плюшоуз. В первый раз он сам прочел Plushouse именно так, и понадобилось зайти на официальный сайт игрушек, чтобы понять, что *s* и *h* надо читать не как *ш*, а отдельно, тогда и *хауз* прочтется. Конечно, вместо *Плас* лучше бы – по-русски *Плюс*, но тут изменить ничего было нельзя: во всех игрушечных магазинах страны уже несколько месяцев продавался набор «Битва за Пласхауз». Дмитрий Михайлович отметил на листочке, что надо будет объяснить Тоне на будущее, как это слово переводится. Можно было бы сразу написать, но вдруг еще встретится что-то такое, что же ее бомбардировать отдельными мэйлами?

Ого, оказывается, у этого Ли Фумонга есть брат! Пу Фумонг. Точнее, был. Или все-таки есть? Короче, он призрак, который может материализоваться раз в год на сутки, а остальное время – шпионит для брательника. Хорошая компания!

Рингтон мгновенно вернул его с небес на землю. Но, разумеется, не на залитый ярким солнцем берег италийского моря, для которого эта мелодия была предназначена, а в предвечернюю Москву, в которой где-то, в палате, залитой ярким искусственным светом, страдала его дочь.

Это снова была Аня. И по-прежнему никаких новостей. Разве что...

– Схватки стали чаще. Значит, уже скоро.

(И это *скоро* обрушилось на него так же, как утром – *се-*

годня. Как ни страшно было все, что происходило до сих пор, но еще ничего не было окончательно, все было впереди. Надежда в любом случае предпочтительней, чем... И сразу поймал себя на эгоистической мысли: он что, предпочел бы, чтоб *это* тянулось и тянулось? «Что ж это я? О себе только думаю, чтоб мне было уютно со своей надеждой, а она ведь все это время бы мучилась». Дмитрий Михайлович так подумал это *бы*, словно от его желания или нежелания что-то зависело.

К счастью, от него уже теперь ничего не зависело. В отличие, кстати, от того времени, когда можно было настоять на кесаревом или, еще раньше, заставить ее делать упражнения.)

– Ты долго еще? – спросила Аня.

– Да нет. Должны были сегодня сдавать «Пионеров», но отложилось. Так что ровно в шесть двину. Все равно голова не работает.

– А что такое? Почему отложилось? Какие-то неприятности?

– Ну о чем ты говоришь! Причем тут неприятности! Никаких неприятностей! Просто...

И тут до него дошел смысл ее слов:

– погоди! Что значит «схватки чаще»? Откуда ты знаешь?

– Да от Леночки же.

– Ничего не понимаю. Почему у нее там телефон? Это же полная антисанитария!

– Ну что ты волнуешься? Раз можно, значит, можно. Она, наверно, еще не в родилке.

– Ах, не в... Ну понятно. Ладно, пока.

– Пока!

– Эй, погоди!

Какое там! Вот так всегда: не дослушает – «Пока» – и сразу отбой. Набрал ее номер.

– Алё!

– Что ты сразу бросаешь?

– Мы же попрощались.

– Ладно, неважно. Слушай. Я через час где-то поеду. В метро может связи не быть. Если что – ты мне не звони, а сразу эсэмэску. Понятно?

– Понятно.

– А если вдруг до шести – тогда звони.

– Ясно, ясно.

Вернулся к братьям Фумонг. Надо же, сколько у них на совести преступлений! И космолёт «Заря Байдингара» они торпедировали. И базу пионеров в туманности Хломиона взорвали. И Джека Пиллоуна в симпернаталевый лед замуровали на девять лет, пока друзья его не освободили. А чего стоит порабощение всей поголовно расы шашмеков? (Здесь не говорилось, но Дмитрий-то Михайлович знал, что все же одной из шашмечианок, Габилее, удалось избежать плена, позже она примкнула к Пионерам-бумси, блестяще освои-

ла их боевые приемы и стала одной... нет, одним – из самых непримиримых бойцов с Пиратами-керуки.) Мало того, что скаредные братья продали несчастных шашмек все-ленским работорговцам капитана Дюггера, они еще, когда тот вывез бедняг с их родины, превратили опустевшую Шашмею – целую планету! – в полигон для испытания биократического оружия...

(Смешно: сперва прочел: «*бюрократического*». И тут же одернул себя: «Смешно ему! Ну еще повеселись! Посмейся! Пойди, со всеми этой хохмой поделись! Там Леночка... Схватки... Раненный олень... А ему – *смешно!*»)

История с шашмеками отняла довольно много времени: каждое слово надо было проверить. А в сети кто так пишет, кто – сяк. Хорошо, если название есть на официальном сайте. А если нет, то надо самому выбрать, какой перевод больше соответствует. Да еще и непонятно, чему он должен соответствовать. Конечно, в обычное время можно мультик посмотреть. Как там произносят – это уже всё, точка. У детей именно это на слуху. Но сегодня он был не в силах надевать наушники и наслаждаться задорной анимацией.

Посмотрел на часы. Ну, можно выключать комп. Пока в туалет сходишь, пока что – вот и шесть будет. Но тут...

– Дим, Дим! Они утвердили!

Катя. Он не сразу понял:

– Что? Кто?

– Представляешь? Видно, как Линда пришла на работу... Там у них сейчас сколько? Восемь или девять часов разницы? Ну неважно. Как раз рабочий день только начался. Ну, я, правда, в письме ее о-о-очень просила не затягивать. Она сразу и ответила. Посмотрела и ответила. Так что сдаемся!

Ну вот. Уход откладывается. Файл часа два может отписываться. Ладно, что делать? Все равно он ничем Леночке помочь не может.

– Жанн, когда отпишется, ты мне сразу скажи.

– Да понятно. Мне тоже неохота тут до ночи сидеть.

Нет, пионерами заниматься он сейчас не будет. Всё. Рабочий день кончился. Он сидит, ждет – файл перед типографией проверить. И имеет полное моральное право лазать по интернету, коротая время. Полное. Моральное.

Он и лазал. Новости, анекдоты, сам что-то прокомментировал, на чужой коммент ответил. И все это – руками, руками. Потому что в голове – схватки (да не бумсийско-керукианские, а Леночкины), ее аллергия, слабые мышцы, его собственная вина в том, что они такие слабые, упущенная возможность сделать кесарево, и снова – он, он главный виновник!..

– Жанн, ну как там дела?

– Сорок семь процентов отписалось.

Во рту пересохло, выгреб из кошелька горсть мелочи и пошел за кофе.

Снова автомат, монетки – по одной в щель, «Ждите. На-

питок готовится» – «Напиток готов. Возьмите стакан».

Взял. Пошел к своему столу.

– Дим, у тебя что-то телефон звякал. Наверно, сообщение.

«Черт, стоит отойти на минутку!...?»

Он смотрел на экран и не верил собственным глазам:

В 18:23. 3 кг 890. 52 см

Перечитал. И стал искать в списке Аню. Тьфу, что искать? Последний же разговор с ней был, вот он. Нажал.

– Дима! Поздравляю! Ты не в метро?

– Нет. Ну что? Как? И я тебя!

– Все нормально. Я говорила с Маревич. Она говорит, Леночка умничка. Всё естественно прошло. Без уколов. В смысле, обезболивания. Потому что это... В общем, лучше всего. И для нее, и для маленького. Только в самом конце разрежала.

– Как разрежала?

– Ну чтоб разрывов не было.

– А-а-а!

– Она просила не звонить ей. В смысле, Леночке. Ей уже после родов дали снотворное.

– Так а ребенок?

– Отличный! Погоди!..

Отбой. Дмитрий Михайлович не понял, что произошло, и тут же услышал звук сообщения. Открыл – фотография.

На экране ладони в резиновых перчатках держали крошечное... Нет, не существо даже, а нечто безжизненное, висевшее, как марионетка без ниток. Всё в пятнах... Это же кровь! А это? Господи, пуповина!

Зазвонил телефон.

– Что это?

Аня смеялась. Повторил:

– Что это?

– Не что, а кто.

– Ну я понимаю. А кто снимал?

– Да сама же Маревич! А руки, наверно, акушерки, санитарки, я не знаю.

– Как-то она висит...

– Ну она же только родилась. Ты пуповину-то видел?

– Да уж... Слушай, маме позвони, а? А то мне с работы неудобно.

– Ладно.

Он дал отбой и тут только, подняв голову, заметил, что около его стола стоят полукругом Жанна, Алла, третья верстальщица Даша, Тамара, Катя, три коллеги-редактора: Люба, Зина и Витя, Лера из распространения и еще четыре женщины, чьих имен он не помнил.

Все разом загалдели. На шум выскочил из своего закутка Олег. Он тоже не уходил, чтоб сразу, как файл будет готов, отправить его в типографию.

– Что за шум, а драки нету? – спросил Олег.
– Дима стал дедом, – ответили ему.
– Второй раз, – гордо уточнил Дмитрий Михайлович.
– Ну беги за бутылкой, – пошутил Олег.
– Завтра отметим, – всерьез ответил Дмитрий Михайлович.

Где-то в электронных глубинах компьютерного мозга продолжал собираться очередной номер журнала «Пионеры-бумси», на страницах которого вели непримиримую борьбу силы вселенского добра и не менее глобального зла. А его создатель сидел в окружении коллег и блаженно улыбался.

– Ну ты, Дим, даешь, – говорили коллеги. – Тихушник такой! Никому ни слова. И сам спокойный, как будто ничего не происходит.

– А что? Я должен был бегать, кричать всем: «Лена рожа-ет! Лена рожает!» – так, что ли?

– Нет, но хотя бы волновался как-то. Сидит себе, правку вносит. Штирлиц прямо какой-то. Характер нордический, выдержанный.

– А что мне было волноваться? Всё под контролем.

– Ну как все прошло-то?

– Отлично! Леночка молодцом держалась, эсэмэски слала, буквально репортаж вела с места, как говорится, событий.

Все повосхищались этим обстоятельством. И снова – Дмитрием Михайловичем. Но он опять скромно перевел разговор:

– Да все молодцы. Мамы, правда, моя и Анина, в смысле, бабушки, то есть прабабушки, психовали. Ну возраст, понятно. А остальные... Вадик ее отвел, еще погулял с ней перед тем, как все началось. Аня вообще с самого начала всё контролировала, анализы, всякое такое. Врача нашла...

– Что за врач? – заинтересовались коллеги. – Хорошая? Если что, дашь координаты?

– Какое там «хорошая»! Фантастическая! Мы, например, сначала волновались, что Вадик длинный, а Леночка – ну вы знаете. И районная гинекологиня – тоже. Но она сразу сказала: «Это роли не играет». А то, как она ее *вела* – это что-то невообразимое. Буквально ювелирная работа! Она отслеживала Леночкину... ну эту...

– Беременность, – подсказали дамы.

– Ну да. Она ее отслеживала буквально не по дням даже, а по часам. Знаете, как мы в школе учили: «Сегодня рано, послезавтра будет поздно». «Подождем... Подождем... Подождем...» Две недели... Неделю... Три дня... И потом – как снайпер в яблочко – минута в минуту, в самый идеальный момент! – поковыряла... ну, вы понимаете. И пошло-поехало. Всё, причем, естественным путем, без уколов, без обезболивания! Это и для нее самой, и для малыша лучше всего.

– Порвалась? – участливо спросили дамы.

– Какое! Надрезала, всё как по нотам.

– Ну знаешь, ноты нотами, а в этом деле всё может быть.

Никогда не узнаешь заранее. Как не волноваться?

– Ну не знаю, кто как. А я вот просто знал, что иначе быть не может.

Он с гордостью за свои проницательность и самообладание оглядел Олега, трех верстальщиц, трех редакторов, Тамару, Катю, Леру из распространения, четырех женщин, чьих имен он не помнил, и вдруг заметил за их спинами... Да это же отважный Роджер К. Макнауэлл! И с ним – задорный Джек Пиллоун, прекрасная Ми Чан, бесстрашная Габилея, а сбоку от них – коварные братья Ли и Пу Фумонги со злобным капитаном Дюггером, а еще дальше – десятки пионеров и пиратов и миллионы обитателей Бумсиландии, принадлежащие разным расам и даже биологическим видам. Вне зависимости от происхождения и моральных качеств, предписанных им буйной фантазией создателей, все они радовались появлению на свет будущего читателя, зрителя и разгадывателя пусть и не сложных, но все же каких-никаких головоломок.

Уж полночь близилась

Вот именно, как в той опере поется: «Уж полночь близится, а Гремина все нет». Ну или, там, Гельмана, что-то в таком роде. Хотя про Гельмана вряд ли оперу напишут.

Тут можно бы блеснуть знанием устного народного творчества. Мол, как раз про Гельмана *оперу* и стоило бы написать. Кто понял – понял, кто не понял – проехали. Тем паче, шуточка с душком, опять же, вышла. А мы выше этого.

И вообще, тут не в личности дело. А именно что в полночи. Точнее – в том, что она близилась.

Короче. Где-то в половине двенадцатого в квартире Гусевых зазвонил телефон. Им, вообще, иногда звонили друзья-полуночники, так что сам факт позднего звонка не вызвал волнения, как говорится, в рядах. Точнее, *не вызвал бы*, если *бы* позвонили на мобильник. А то в последнее время на городской если и звонили, то по большей части или что-то предлагали или с опросом каким-то. Ну перед выборами еще напоминали, чтоб не забыть про гражданский долг. А тут – так поздно, и по городскому.

Тем не менее, хозяин дома взял трубку совершенно спокойно.

– Алё?

– Лев Григорьевич Гусев? – спросил мужской голос.

– Георгиевич, если быть точным.

«Наверно, какая-то служба типа *Вы сейчас смотрите телевизор? А какой канал и т. п.*?»

– Извините, – безразличным тоном извинился голос. – Вы владелец Хюндай-Солярис...

Далее прозвучал госномер гусьевского Хюндая, которого мы не сообщаем дабы... Ну, в общем, не сообщаем, и всё. Тайна личной жизни. Типа. Как бы.

– Да, – ответил Лев Георгиевич, смекнувший уже, что несколько ошибся в определении *службы*, и в его голосе появился некоторый трепет.

Зафиксировав изменение мужниной интонации, Галина Андреевна, соответственно, Гусьева устремила на него, правда, молча, вопрошающий взор. А он поднял брови и одновременно опустил углы рта (что означало *понятия не имею*) и пожал плечами.

– Ваш автомобиль стоит во дворе дома...

Адреса Гусьевых мы тоже не будем приводить.

– Ну, еще два часа назад он был там, – попытался пошутить Лев Георгиевич.

Впрочем, какие уж тут шутки? В лучшем случае кто-то спьяну, а то и стрезву, *задел* его машину, а в худшем... Предел худшести не поддавался обозрению.

– Вы сейчас дома?

– Разумеется, – все с той же неуместной игривостью ответил хозяин Соляриса. – А с кем имею честь?..

– СтаршленантДэПэЭсБрбрбр – невнятно представился

голос, впрочем, «ДПС» от произнес четко. – Мы сейчас стоим около вашей машины. Вы забыли поднять стекло. Выйдите, пожалуйста.

Дальнейшее походило на сон. Лев Георгиевич взял ключи от машины, обулся, спустился во двор и, действительно, увидел около своей *ласточки* патрульный автомобиль и рядом – двух дорожных полицейских. Стекло и правда было опущено.

Пока незадачливый автовладелец производил необходимые манипуляции, СтаршленантДэПэЭсБрбрбр назидательно и в то же время ласково, как-то по-отечески (хотя он и годился ему в сыновья) объяснял, что не следует быть таким легкомысленным, что эта марка одна из наиболее угоняемых и что вообще «мало ли какие дураки бывают: пройдет, увидит, что окно открыто, да и бросит окуроч, всяко бывает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.